

Лю Ив

Мой роман со Стивеном Кингом
Тайные откровения

Аморально-мистический психо триллер
Символическое чтение

Нью Йорк 2020

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лю Ив

Мой роман со Стивеном Кингом. Тайные откровения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287804
SelfPub; 2020*

Аннотация

Аморально-мистический психо-триллер. Символическое чтение. На аллеях Люксембургского сада бывшая москвичка – писательница и художница – встречает загадочного мужчину. Сумеет ли она выпутаться невредимой? Трансформация чувств, терзания неизвестностью, желания и жгучий стыд... Обнажая тайные стороны женской души ради мистического опыта, с волнующим откровением в романе описывается самое рискованное свидание из всех, какие героине пришлось переживать. В тексте используются равно как лирические ноты, так и деморализующий цинизм с элементами сарказма, молодёжного сленга, иронии, сатиры и прочего чёрного юмора. Содержит интимные сцены. Имена и события в тексте считать случайным совпадением. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Знакомство	6
Встреча в США	21
Забинтованные ноги	51
В лесу	66
После леса	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Все имена и события вымышлены. Любые совпадения случайны.

*Ну и ладно, да ну и пусть,
где-то складно, а где-то грусть
Где-то снежный лежит покров,
в романе нежный – живой улов*

*В романе строчки: огнём – во мрак,
под грудь заточкой, и – сам дурак...
Духовным крупом дымит орган,
над падшим трупом отзвучал наган*

*И в сердце бубен – не удержатъ,
из строчек – крови – не избежатъ
И льётся лавой моё нутро,
без всякой славы – смертям назло*

*Пою и плачу, из строк мой дом...
Роман дурачит? Иначе – влом!
Иначе горе стоит стеной,
а память – в своре – гонится за мной*

*Идут по следу, горят стога...
А с ними беды – в черепах рога
В кровавых пятнах повержен в снег,*

когда-то демон – станет человек

Бои в романе – бои во мне

Да не обманет стражник в глубине

Знакомство

Мне повезло, мне просто очень-очень повезло.

Я всегда надеялась, что когда-то это случится, и постоянно присматривалась, не попадётся ли... не подвернётся ли случай. Изредка – на ловца выходил... – собственно не зверь, конечно, но зверушка. А что делать со зверушкой? – Надолго такого не хватит. И я снова уходила – на поиски кого-то или чего-то настоящего...

Образно говоря, он появился из ниоткуда. Независимый, уравновешенный, почти безмятежный, погружённый в какие-то свои миры... Где он постоянно витал? Что манило его туда? Что вкушал, предпочитая уединяться?

Кто ждал его там, заставляя отречься от разнообразия общественных устремлений? Кто или что управляло новым героем? – Эти вопросы взволновали моё любопытство и неожиданно вызвали чувство, напоминающее юную влюблённость. Я нашла героя! И могу кому-то молиться, целовать его следы на песке моих воображений...

Приподнимать на него смущённый взгляд, то ли кокетничая, то ли стесняясь того, что мне этого хочется. Мне просто хочется на него смотреть! Я постоянно сдерживаю себя, чтобы не пялиться, млея словно муха на солнышке.

Он не возражает, будто и не замечает. Вернее сказать, он бы конечно заметил, если бы я позволила себе пялиться-

ся. Но нет, я только хочу. Взглядываю очень коротко, мельком – схвачу малую бусинку впечатления, и скорее в норку. Осмысляю, исследую – люблюсь, чувствуя прикосание к собственному пленению. Я у него в плену – увлечена его таинственной невовлечённостью.

* * *

– Не хотите ли пройтись? Здесь так спокойно, вам здесь нравится? – незнакомый мужчина остановился рядом со мной и с явным интересом наблюдал мою реакцию. Это был высокий мужчина, одетый по-джентльменски. Лёгкое стильное пальто указывало на не безразличное отношение к своему гардеробу. Тёмно-русые волосы. Светло-серый шарф...

Художественная личность, – прозвучала внутри первая оценка. И внимание усилилось...

Взрослый – он одновременно напомнил мальчишку вроде студента... Мужчина вне возраста – символический землянин без определённых признаков, присущих возрастной категории. Одним словом – вполне себе странный тип, загадочный призрак посреди примитивных особей скучающей Европы... Понятно, это моментально пробудило интерес.

– А куда вы предлагаете пройтись?

Мы находились посреди Люксембургского сада. Ухоженные дорожки, красиво подстриженные кустарники, газоны,

цветы. Очень романтичное местечко в Париже. Самое настоящее гнёздышко для культурных свиданий. Более чем просто удачное – историческое! И в совершенстве соответствующее внешности незнакомца, включая догадку о его темпераменте. Как будто этот молодой человек явился на дорожках Люксембургского сада в виде его законного обитателя из прошлых веков – естественного гостя тех времён, когда в Париже царил Золотой век Искусства и придворных интриг.

Мне сразу захотелось осмотреть себя: достаточно ли хорошо одета для данного пришельца из «Золотого века»...

И таки да! Каждый день в Париже для меня начинался с очень тщательного выбора юбочки, блузки, шарфика или жакета. Мой излюбленный стиль того времени представлял из себя образ некой потерянной во времени принцессы. Причём принцессы самодеятельной, непонятно откуда сбежавшей – с какого такого бала...

Дизайнер одежды по образованию, я очень внимательно соблюдала соответствие своего внутреннего идеала внешнему виду. По ходу – своим видом я просто сигналила правильному человеку. Но ловились всегда не правильные.

Пребывая в Париже, я частенько бродила по интересным местам города. Примерно четыре месяца прожила с целью разведать, можно ли там сделать карьеру в мире Моды. На том этапе жизни это виделось светочем в окошке – лунной дорожкой в мечту...

Однако делать карьеру во Франции оказалось слишком трудно: молодые дизайнеры, урождённые французы с прекрасными манерами речи и те стремились за карьерой в Нью-Йорк или Лос Анжелес.

Так я и обитала – в недалёком закутке Парижа. В трёх остановках на местной электричке, зато самостоятельно и бесплатно. А однажды, опоздав на последнюю электричку, пошла по рельсам вдоль путей.

Помнится, между остановками на путях засветилась группа ремонтных рабочих в неоновых костюмах. Все дружно прекратили работать и, опираясь на лопаты, пялились на пешую путешественницу – французский рабочий класс, однако...

Признав во мне иностранку, да ещё «*потерянную принцессу*» – они сочли уместным поделиться (по-английски, что порадовало) оригинальным соображением:

— *Ночью опасно ходить одной...* (Видно подумали, вдруг *принцесса* не в курсе)...

На что я сочла уместным охладить их французскую надежду на первенство:

– По части *опасности ходить ночью одной*, друзья мои – Москва, откуда я родом, оставляет Париж позади так, как Бугатти – русские Жигули! – после чего вполне гордая за отечество прошла мимо раскрывших рот *великих французских любовников*.

Москвичка это вам не француженка, дорогие эстеты от

культуры – с нашим братом такой флирт не катит.

Провинциальный и сентиментальный Париж! Обольстить москвичку-художницу ему не удалось.

Правда, в те времена Париж ещё не был оккупирован полчищами арабской саранчи: искатели манны небесной в нависших европейских горизонтах ещё не сделали Париж большим центром по части криминала и ночных происшествий. И по железнодорожным путям можно было шагать безопасно и еженощно...

Примерно двадцать минут, не более, лишь бы не опоздать на метро, чтобы добраться до нужной станции электрички. Последний состав подземки отходил из центра примерно в одиннадцать вечера. И как раз благодаря этому беспределу французской столицы, я и обрела такое удачное жильё: познакомившись с новым дружкой, русским студентом Сорбонны именно в одиннадцать вечера в метро. Мы оба опоздали на последний поезд.

Весьма рассеянный и немного, на мой взгляд, туповатый для такого престижного университета – зная меня не более недели, студент предложил разместиться в квартире своего французского друга Пьера. Тот ежегодно на несколько месяцев выезжал не то на море, не то в горы, оставляя студенту ключи.

Мне полагалось кормить кота, поливать цветы, экономить электроэнергию и газ, а также пользоваться телефоном только в самых крайних случаях, чтобы счета не повисли на неза-

дачливого студента. Это условие он оговорил очень серьёзно, – тоже москвич, – мы друг друга отлично поняли.

– Опоздали мы с тобой, дружище, однако! *Метро закрыто*, и поезда *не ходЮт*, –

С такими словами я подколола незнакомого парня, в котором со ста метров безошибочно распознала нашего совкового мудилу... – Париж, друг мой! Здесь нам не там! – радостно на чисто московском наречии добавила, убедившись что не одна такая опоздавшая бедолага.

Студент тоже хотел добраться домой... как я до гостиницы. Но не успел... Как и я...

Братья по несчастью, мы заружились на почве общеисторического презрения Московитов к Французам. Уважая их культур-мультир, самих их как-нибудь поприличнее зауважать нам одинаково не удалось.

Уцусь в Сорбонне – на русскую девушку такая фраза воздействует магически. Потому и заружились. Позже мы пару раз виделись в Москве. Нетипичный паренёк, с умственными загогулинами. Но, вероятно, студентам так и положено.

А корпус того университета – обалденное по своей архитектуре строение! – или вернее моя очарованность одной скульптурной композицией, изображающей любовную сцену из жизни Богов – тоже сыграли тогда в Париже не малую роль!

Из-за рассказа о впечатлении, произведённом велико-

лепными скульптурами, расположенными поверх колонн по окружности здания – в меня влюбился настоящий француз. Я даже заметила момент, когда это случилось. Примерно за двадцать минут, пока мы пили кофе, а я рассказывала... Влюбился вполне серьёзно – так, что задумал даже пожениться.

Правда, видимо, в силу каких-то торжественных семейных устоев – в кровать за ради проверки на совместимость характеров – он меня почему-то не позвал. А сама я, чтобы навязаться вопреки благородным традициям, таким желанием не воспылала. И потому – несмотря на существенную культурную программу француза, весьма обогатившую мои познания Парижа, я всё же не помогла ему на себе жениться...

И если несколько походов по злочно-знаменитым местам всё же не сильно меня задели, то посещение русско-французской семьи друзей француза... вероятно, с целью наглядной агитации преимуществ французского образа жизни – реально не только понравилось очень-очень, но и расстроило – тоже очень.

В потрясающе-шикарной с высокими потолками и лепниной вокруг люстры квартире – женой в семье оказалась замечательно-удачно вышедшая замуж душечка из Питера, а мужем – французский интеллеktуал и голубчик – художник! К тому же обожающий дочку жены от питерского студента-долбоёба. А питерский долбоёб – бывший муж ново-

явленной француженки получил отлуп (развод, значит) по причине мужской несостоятельности, потому что не желал от жизни иного, кроме лежать на диване в нестиранных носках, упиваясь бесконечным чтением...

Так вот, семейка друзей моего претендента в женихи понравилась мне гораздо больше, чем он сам. Кстати, художника тоже звали Пьер... Походу они там в основном все Пьеры. Так мне показалось.

А русский студент Сорбонны – Игорь.

А как звали несостоявшегося жениха-француза я забыла. Но хорошо запомнила, что угощали нас во французско-русской семье вином и блинчиками с вареньем. И пекли блинчики тут же посередине круглого стола на специальной электрической плитке. Муж наливал тесто в формочки прямо во время общения – половником из стеклянной кастрюльки. А когда все блинчики были приготовлены и съедены, то варить кофе на кухню отправилась жена, а муж-француз тогда держал на коленях приёмную дочку, называя её русским словом доча, и объяснял, что тесто замесила жена, блинчики выпекал он, а теперь жена сварит кофе, а он пойдёт мыть посуду. Так у них заведено: домашние дела делятся на двоих.

Мне досталось только завидовать, ведь мой идеал претворял в жизнь кто-то другой. Свидетельствуя о том, как «с другим танцует девушка моя» – пришлось переживать молча. И пока француз провожал меня до гостиницы, я сделалась совсем печальной. Можно понять, ведь и я тоже хотела такого

художника!

Француз это заметил и упрекнул за то, что ничего не чувствую, пока он держит меня за руку. Вот же – это озадачило! Действительно, с чего бы это? Вероятно, осмелившись взять за руку «ея Величество Принцессу», француз рассчитывал, что романтическая барышня впадёт в экстаз... а меня это никак не возбудило. Напротив, оказавшись в состоянии зависти, когда кто-то другой танцевал мою мечту, я вообще сделалась скорее раздражительной, а уж никак не льстивой. Такая вот печаль.

Ко времени описываемой встречи с Таинственным Незнакомцем на аллеях парка я постигала суть Франции примерно около трёх месяцев, или даже немногим больше. Проникалась, так сказать, французской знаменитой «любовеобильностью». – Подумать только, это оказалось мифом. Настоящий парижанин реально холоден и удивительно скучен, но усиленно изображает столичного денди и любовника...

Как-нибудь в другой раз я поведаю, в чём их *особый шик*: – преподать влюблённых-себя на публику, будто особое блюдо знаменитого ресторана, с этикеткой «изготовлено в Париже, знаменитому бренду верить наслово»!

«Только у нас» и нигде больше? – Ну-ну... И всё за ради поддержания штанишек древнего мифа о Французах-Великих Любовниках?! Можно сказать – это лямки, поддерживающие веру в себя... При том, что французы (парижане во

всяком случае), похоже, плодятся строго с помощью братьев своих меньших – в виде молодых, но юрких арабов, отжигающих на просторах Великой Европейской Цивилизации свои танцы – будущих хозяев той «цивилизации»...

Но вот этот – встреченный в Люксембургском саду – мужчина не был французом. Он оказался американцем. Странновато для американца одетым на европейский лад. Мне попался совсем не типичный молодой человек.

– Ну для начала мы прогуляемся по саду, – ответил он на мой вопрос, – а потом, вероятно – поедем ко мне? Или вы пригласите меня к себе? Как вам такая идея? – Он смотрел прямо мне в глаза, почти не моргая. С поразившим меня спокойствием и нетипичной откровенностью.

Я даже на пару минут выскользнула из себя, произвела нечто вроде небольшого кульбита в пустоту над головой... и даже вроде бы – сделав попытку *не понять*, что это он сейчас такое предложил... Вроде бы: *ты, парень, офонарел так подкатывать? Кто же, мать твою, так делает? Тебя чего, не учили, как нужно правильно ловить зазевавшуюся туристку?*

Но сама-то я, конечно, воспитанная девушка, потому всю эту лавину зашкаливающего возмущения его нахальством я затолкала поглубже внутрь, чтобы никак оно оттуда не

выстрелило... И внешне ухмыльнулась, однако отслеживая, чтобы ухмылка таки не выдала мою весьма пронизательную осведомлённость – про разного рода типчиков, стреляющих по паркам не только сигаретку, но и одиноко гуляющих дамочек, дабы провести с теми весёлую ночьку.

В общем так или иначе, но я сделала вид, что не замечаю его странноватого предложения. В наших культурных лабиринтах Московской Богемы было принято сначала задурить дамочке голову, а уж потом – невзначай напоив подружку каким-нибудь подвернувшимся под руку пойлом – затаскивать в постель. А порой и проще: повалить где-нибудь между мольбертами, подрамниками и столиком с закусками. Так, пьяные в хлам, мы традиционно предавались молодости с её главными ценностями: общаться, общаться, и ещё раз общаться...

Американец явно недооценил моей традиционности.

– А собственно чем плоха идея? Мы вполне можем начать её осуществление, куда двинемся: направо или налево? – Я соорудила милую наивную улыбочку покладистой малышки.

Он незаметно хмыкнул и выбрал налево. Мы двинулись по дорожке в сторону замка...

– А вы, однако, кто? Парижанин?

– О, нет. Я американец, приехал по делам. Меня зовут Стивен. А вас, милая леди? – он был вкрадчив, чисто умуд-

рѐнный шпион из восточной сказки, и интеллигентен – сродни дипломату – также восточного разлива! И только глаза: чуточку меня пробуравили, – как если бы чѐрный муравейка заполз куда-то под куртку... и куснул. Но, может, вернее было бы сказать – протиснулся в голову? И там кольнул-торкнулся во что-то нераспознаваемое? А это «что-то» сразу отозвалось.

Это был мой парень! Я сразу почувствовала его несанкционированное вторжение. И мгновенно – автоматически подумала: *вот так же без спросу, вежливо, ласково, и неожиданно – он в меня всадит свой инструмент, по самую рукоятку... пока я ничего и не заподозрю...*

Это ж надо, чего деется! Куда это он сейчас торкнулся? Что это вообще за дела?

– Сразу на ум приходит Стивен Кинг, – заворковала я как ни в чём не бывало, снова натянув наивный прикид – а я Людмила: русская художница и возможно будущая писательница, тут временно. Приехала по путѐвке, да задержалась. Туристической недели – для Парижа оказалось слишком мало. Теперь вот уже третий месяц исследую парижские закоулки. А как вы тут оказались?

– По делам личного свойства, выдалось время – вот прогуливался, увидел вас, решил, что мы можем объединить усилия по исследованию парижских парков. А так да – вы пра-

вильно сказали, моя фамилия и вправду Кинг. Досталась по отцовской линии, он когда-то себе сам изменил фамилию. В те годы это позволялось. Такая фамилия его возвышала. Отец не был сильно успешен, и многого не мог себе простить. Даже фамилию. Но это не важно. Вы хотите зайти внутрь дворца?

– Нет, я там уже была. Расскажите что-нибудь о себе?

– Чтобы вы снова ухмыльнулись? – Он опять меня обезоружил.

Это было ужасно! Стоять напротив незнакомого по-сути мужчины – как будто голая. Сразу расхотелось шутить. Кажется, он начал то, что по моим подозрениям собирался сделать гораздо позже, в закрытом месте, наедине... Он меня раздевал.

Сильное желание отпихнуть его откровенность и одновременно удивление охватили меня! Ведь я сама практиковала нечто подобное: говорила людям в лицо то, что они вообще-то довольно усердно скрывали! И не только от посторонних, но и от самих себя...

И это же – он проделал со мной?

Вот так просто – без ужимок, фальшивых кривляний, прикидов под юмор?

На меня напал ступор... ступор девочки, тайно ошарашенной и уверенной, что её поймали, не спрячешься – будет видеть насквозь... я застыла на мгновение, показавшее-

ся, как пишут в романах, вечностью.

– Да нет, конечно, с чего вы взяли, что я ухмылялась?

Вместо ответа он тоже ухмыльнулся. Я увидела самую себя его глазами. Да и чёрт с ним! – В эту минуту я и поняла, что плотно сижу на крючке. И теперь, куда бы он ни позвал – просто пойду, кусая губы и упрекая себя, а потом оправдывая какой-нибудь быстро подвернувшейся для самозащиты идеей.

Но, собственно, а что мне было терять? Разве люди путешествуют по городам и весям не для того, чтобы заводить романы? Или мне предложили некую «грязную пилюлю» вместо жемчужного ожерелья на рождество? Ничего нового, просто форма предложения чуточку прямолинейна.

– Так вы что, в самом деле полагаете, что нам будет не плохо провести вместе время? Раз вы меня так хорошо понимаете? Как по вашему я отнеслась к сделанному вами предложению? – и я вернула традиционно-нахальную ухмылочку туда, где она жила уже много лет – прописанная на моей физиономии. Это была моя естественная форма лица. Обычно эту деталь – не знаю уж, как удачно, но я всегда распрямляла на время общения с посторонними.

– Я так понимаю, вы решили, что я пошутил. И не ошиблись, я и вправду пошутил.

Ухмылка сползла с моего лица, как смытые грибным до-

ждём румяна!

Он пошутил... Вот же чего делается!

А я уже поймалась.

И теперь бери, что называется, ежа без варежки: буду видеть аки лапша на вилке потрошителя перед тем, как он меня слопает.

– Да похоже это уже без разницы... Я кажется в вас влюбилась... – диафрагма внутри моих лёгких заметно опустилась, живот и плечи расслабились, всё тело как-то странно-вато поникло... как если бы ощутило себя жертвой сложившихся обстоятельств. – Не его жертвой, нет, конечно... он-то оказывается «*пошутил*»...

А я нет. Я попала.

Вот так мы и познакомились.

Встреча в США

Почти так оно и случилось. Он что-то изредка шептал, ласковый и бережный, я млела в паутине его касаний, и внезапно: устремлённо и остро – одним движением!

И мгновенная пауза...

Конечно, он овладел мною, когда я уже давным-давно изнывала в ожидании... уже много-много раз телодвижениями самого недвусмысленного рода как бы прозрачно намекала, мол, пора! «*Уже падают листья и осень в смертельном бреду*»... Но всё равно он сделал по-своему... и опять неожиданно, когда я умаялась «намекать»... Чортов американец!

Вся моя бабская сущность беспомощно заголосила: – куда! Куда ты блять... Назад, вперёд... Где ты! – Бёдра забились, стремясь вверх... И не находили желанного продолжения, нужной позиции, и всё искали, искали, но всё напрасно – он выжидал...

В конце концов, снова и снова останавливаясь – применяя скромную технику выжидания... – когда я уже совсем не хотела ждать! Технику такую же простенькую, как железным ломом по балде – он меня измотал так, что в конце нашего *приятного знакомства* я полностью утратила всякие силы и лежала бездыханная, точно мокрая простыня... а он всё ещё изучал меня, блуждая ладонью по поверхности тела – будто бы исследуя некое насекомое, откликающееся вздрагиваю-

щими сполохами нервной энергии на каждое его прикосновение...

* * *

Во второй раз мы встретились уже в Америке. Спустя два года.

Я позвонила сама. После переезда в США. Сначала я приобрела вид на жительство, а потом только позвонила. Он пригласил в гости.

Чего я ожидала от встречи? Да, вроде ничего. Загадочный мужчина приглашает русскую девушку, урождённую москвичку навестить его в хрен знает какой глуши американских джунглей на неопределённый срок? И что тут такого неожиданного? Для чего-то ведь я позвонила? Не для того ведь, чтобы сообщить о погоде в Москве или поздравить с Днём Независимости? Соответственно, он и поступил вполне благородно – позвал девушку в гости, даже и предложил отправить билет и заказать такси.

Тут неплохо бы пояснить, какого рода опыт хранился к тому времени в библиотечке переживаний той «девушки». Давайте назовём её гг. Или мисс Лю Лю?

Право же, мне будет много удобнее рассказывать некоторые, скажем лирические, детали как бы – про мисс Лю Лю. Поверьте, это заметно облегчит мне победу над некоторой

стеснительностью.

Так вот... про мисс Лю Лю... Припоминается такой случай.

Однажды Лю Лю гостила у приятеля в Дели, у друга... Нормального, даже более чем – современного бизнес-мэна, индуса и совершеннейшего умницы, – на улицах таких не встретить, это уж, поверьте на слово!

Мы познакомились на заре моей юности на ВДНХ, где он представлял для тогдашнего рынка СССР продукцию текстильного искусства своей компании. Меня, помнится, очаровали выставочные образцы: полупрозрачные девичьи блузочки, расшитые белым по белому и удивительно напоминающие о Джульетте, испуганной и прекрасной, под балконом которой пылает страстью Ромео...

Выразив своё восхищение, – а это происходило невольно и непременно, стоило меня чему-то задеть: слова восторженных похвал вылетали из меня словно зазорное чириканье канарейки – (причём, наравне с восхищённым чириканьем – в случае негативных оценок частенько впивались и коготки, и клюв той «канарейки», – такая отличительная личная особенность ГГ).

Я воспылала восторгом в похвалах нежнейшим белоснежным блузочкам и тем обрела многолетнего друга в лице молодого индийского парня, позже вышедшего на международный уровень своих творческих проектов.

И вот, во время одного из визитов в Дели – индийский друг со приятели отправили меня на автобусную экскурсию в Тадж Махал... Купили поездку, о чём и сообщили вечером накануне достопримечательного паломничества.

В результате чего – одно *воскресенько-утречко-раненько* началось со стука в дверь и на пороге посыльного от хозяйки гостинички, доставившего *добрую весть*: водитель внизу – ждёт чтобы отвезти к автобусу.

Следовало быстро вскочить, за минуту умыться, причёсываться, разумеется, не следовало, ополоснуться под душем, после чего мчаться вниз *с-вещами-навыход*.

Но беда того утра состояла в том, что как раз вечером, перед сном, я – белая женщина, европейка – в компании высокогородных мэн-индусов из среды бизнеса выше среднего порядка – нажралась в модном баре фешенебельной гостиницы так, что даже не представляла, как, блять, встану... и смогу ли ехать...

– Бедняжка Лю Лю... – в автобусе... – до Тадж Махала! – Не менее трёх-четырёх часов нескончаемой тряски с чувствами сильно-покалеченной груши! – не обплевавши не только всех туристов благородного автобуса, но и самую дорогу до той жемчужины мировой цивилизации!

Такая это была беда.

– Нет, пожалуйста: виски – для леди, а джентльменам

пиво! – Здоровый, живой и быстрый кивок и одновременно – потешный взгляд в сторону леди...

Тонкий юмор.

Задорное её удовольствие...

Весёлый хохот всей честной компании, ведь европейская леди довольна... – её правильно поняли, а болвану-официанту указали на его неопытность...

Умильно-сконфуженное – не табло – таблеточка: физиономия официанта...

Рокировка – подобострастным манером сыгранная поверх круглой поляны из новомодного стекла – пивную бутылочку подменяют широким стаканом виски...

Столик на пять персон...

Лунные сонаты светильников с зеленоватыми лампами... Мерцающие позолотой изогнутые ножки диванов... Пухлые – обтянутые бархатом с ямочками – мягкие, зазывающие тела диванов и кресел...

Ирреальность и полумрак – на границе Цивилизации и сказок Шахерезады... Запах восточных курений и Хейнекен (*стекло бутылок перекликается с цветом ламп, не правда ли?*) в его неизменных зелёных 0,33 л. ёмкостях по одиннадцать долларов за штуку.

На танц-поле ленивые необязательные движения...

Музыка и шум снаружи, и застывшая лава одиночества внутри.

Компания бывших однокашников, а ныне неслабо преуспевающих перспективных молодых людей, принадлежащих древней культуре Востока. Субботний вечер... В компании четырёх мужчин одна дама. Непривычного вида, – одетая явно по какой-то неизвестной моде – иностранка. Это Лю Лю.

Все непринуждённо болтают, Лю Лю рассказывает про Россию и Индию, увиденную её глазами. Всех радуют смешные суждения леди.

* * *

Еле-еле я всё же взяла себя в руки. Умылась и дотащилась до машины. Упала лицом и животом на заднее сиденье. И мучительно ждала, когда подействуют таблетки от головной боли... Пока средство передвижения скакало по раздолбаным проездам – особенно резвясь на кочках, доставляя бедолагу Лю Лю куда следует в соответствии с туристическим меню.

В автобусе я тоже увалилась поверх двух сидений и силилась уснуть, подсунув под щёку тонкий шарф. Иногда поднимала голову и тарасилась в окно во время коротких остановок, нужно же было всё-таки хоть капельку прочувствовать Индию, а не только личную тошноту и головную боль?

К автобусу всенепременно подбегали изобретательно-юр-

кие обезьяны, а порядочные туристы бодро спускались из своей кондиционно-оборудованной кареты и выдавали обезьянкам по банану, – которые и покупали, к слову сказать – тут же у местных челночников, давно приучивших обезьян правильно забирать бананы и оттаскивать их напарнику продавца. Чтобы позже их снова продали по очередному кругу. А обезьянкам, надо полагать, выдавали в обмен на банан дозу какого-нибудь вещества, получше возлюбленного макаками, чем голимая жёлтая ежедневность... – к тому же как не сложно догадаться – доступная любому обезьяну в неограниченных количествах: под кронами сотен растущих повсюду пальм. Ибо бананов в Индии – что привычных мух посреди городских помоек. А продавали их, надо полагать, за доллар штуку.

Часа примерно через два с половиной наш *паровоз-вперёд* прилетел на территорию «привала», чтобы туристы могли обогатить Индию, позавтракав в комфортной атмосфере замечательно декорированного ресторана. Там Лю Лю и задружилась со своим спасителем.

Египтянин, доктор наук и преподаватель университета путешествовал один. И отпаивал бедняжку-русскую пьянчужку минералкой и рюмкой какого-то напитка, прикупленного по своей инициативе. Но в целом это недурно помогло, и голубка Лю Лю смогла, наконец, осуществить излюбленную миссионерскую роль: разговаривать, увлекая в свои сети доверчивого египтянина. А позже, когда все добрались до

обожаемой туристическими агентами Мекки – фотографироваться на фоне белоснежного Тадж Махала, жемчужины архитектурного наследия – уже с видом умело скроенного счастья на лице, хотя и неслабо тронутого виноватостью – вместо невольной гримасы жестокого похмелья.

По возвращению в Дели египтянин пригласил вместе поужинать в ресторане его гостиницы. Но предварительно – немного подождать...

И вот я ожидала в кресле в его номере, усиленно – словно кобру – заклиная офигенно нетипичное и по форме, и по факту смущение, пока египтянин неспешно постелил коврик, опустился на него коленями – лицом к Востоку – и примерно двадцать минут молился своему египетскому Богу. Вероятно, в соответствии с мусульманскими порядками.

Это было поразительно!

Мне было так неловко, как будто мужчина при мне рассматривает собственные трусы на предмет, насколько они попачкались во время недавнего испражнения. Конечно, никакие «трусы» душечки египтянина совсем не были попачканными, он просто сиял душевной чистотой и наивной верой в Добро.

Боже, это был такой человек! Чтобы обидеть такого!? – Это нужно быть просто конченной мерзавкой! Или слепой дурой.

Мы хорошо пообщались за ужином, красиво и очень трогательно. К концу ужина египтянин ненадолго отлучился и, вернувшись, сообщил, что заказал мне билет на самолёт – до того города (к сожалению забыла название), куда сам выезжает поездом рано утром. Он подал мне конверт с двумя хрустящими купюрами от Бенджамина Франклина, объясняя данный жест стоимостью обратного билета, чтобы я – крошка Лю Лю – могла себя чувствовать свободной, если захочу улететь обратно в любой момент.

А заказанный билет следовало забрать в администрации отеля – днём, когда сам он будет уже в дороге. И если за следующий день я решу не лететь, то *ничего страшного – просто пропадёт билет*. А сам он к тому времени доберётся поездом, примет душ и поедет в аэропорт, чтобы меня там подобрать. Если же москвички в самолёте не окажется, он вернётся в гостиницу, догадавшись что голубка Лю Лю на риск не решилась.

Надо ли говорить, что я полетела? – Конечно, полетела! И не ошиблась.

Это оказалось одним из самых замечательных приключений. Роман, хотя и совсем короткий. И немного печальный, потому что мой Пьеро влюбился... Если бы у него было чуть-чуть побольше времени, чем те три с половиной дня, что мы провели вместе, он бы – возможно – сумел рассмотреть мою природную сучность... и может тогда ему не было бы

так тяжело расставаться...

Мы оба – наивные сердцем хомячки – верили, что встретимся ещё, но свидеться нам больше не удалось...

Одна из печальных историй. Из-за неё у душечки Лю Лю всё ещё временами щемит сердце.

Я бы так хотела послать далёкому Пьеро весточку, как-то дать ему знать, что никогда его не забывала. Все последующие годы мне жаль, что я так и не сумела найти возможность, чтобы посетить Египет, «адреса друга» для этого оказалось недостаточно.

Сам-то египтянин был женат, наивный и чистый доктор неведомых наук неизвестного университета, вероятно, впервые изменивший жене. Душка, святая душа-человек.

Боже, я так погрузилась в далёкие дали, убаюканная волнами нежности, что вполне рискую утратить нить главного рассказа...

В общем, после приглашения парижским любовничком, имея такую натуру – естественно было побыстрее паковать сумку и отправляться, куда пригласили. В глубинку, посреди затерянных широт северо-американского континента. В городок под названием Ранвей.

Билет и заказ такси вскорости подтвердились по электронной почте.

Нью-Йоркские проблемы отодвинуты на обочину. Память

о прошлой жизни вытеснена из зоны восприятия. Бывшая москвичка нацелилась на крутой вираж, смело на грани безумия, и нарочно не рассматривая каких-либо вполне вероятных последствий, кроме положительных.

Такова уж природа этой всегда одетой по неизвестной моде душечки Лю Лю.

* * *

Когда я вышла из такси, Стивен задумчиво смотрел на меня, стоя в проёме входной двери. Не бросился навстречу, не подбежал, вырывая сумку из услужливых рук таксиста. Не вскричал, изображая бурную радость, не засуетился вокруг желанной гостьи...

Нет. Ничего такого он не сделал. Просто задумчиво относительно-приветливо наблюдал как я выхожу, стою в ожидании, смотрю на него, потом забираю сумку из багажника... И после со стучащим сердцем иду ему навстречу... Пока он ждёт, когда я подойду.

Ну что ж... Посмотрим...

Относительно небольшой дом.

Относительно – это, конечно, в сравнении с рядом расположенными! Но относительно моей двухкомнатной конуры в Москве или снимаемой комнаты в Нью-Йорке, домик оказался высоким классом роскошного жилья, а никак не *дач*-

ной кибиткой, какие при социализме было принято строить под Москвой.

Строили, в основном, своими руками, используя где-то как-то добытый по случаю строительный материал. Забивали – предварительно распрямлённые – ржавые гвозди, повторно реинкарнируя их к жизни; пользовались для строительства раздобытыми вдоль узкоколейки шпалами или досками – потыренными, например, после снесённого в деревне магазина.

Обычно в деревнях всегда был какой-нибудь магазин, где всё продаваемое добро лежало рядом на одной полке. К примеру, рейтузы рядом с баранками и банками рыбных консервов, выложенных пирамидкой. Или духи для деревенских красавиц, а рядом по соседству бочки с селедкой, из которых селёдку доставали заранее, и выкладывали на прилавок на специальном подносике – сразу кучку селёдок из примерно десяти-пятнадцати гладких черно-серых толстеньких рыб, с синеватым отливом на брюшках...

Когда магазин снесли, то мы-дети помогали дачникам растаскивать доски по личным участкам, а потом из них строили... Наши доски пошли на веранду и сарайчик.

А на кухне, ещё не достроенной, – помню, – стоял открыто вырытый погреб: большая коричнево-рыжая дыра в земляном полу, метра два-три в диаметре, ну и примерно столько же в глубину... После дождя туда напрыгало много лягу-

шек. Особенно привлекали внимание две большие зелёные и одна супер-большая чёрная жаба. Прямо таки гигантская – чугунная-как-сковородка, и пупырчатая. И всё зыркала, вращая фарами глаз.

Помнится, я прицельно метила камушком ей в макушку, после чего пуляла в панцирную плоскость лягушачьей головы и всё никак не могла попасть. Яма по-оценке девочки-дошкольницы казалась реально глубоченной, и попасть в даже крупную лягушку, если не имеешь достаточной тренировки, всё же трудновато.

Но я всё же попала! Это было восхитительно! И запомнилось на всю жизнь.

Жаба – от удара увесистым камушком по бедной головёшке – как-то неуклюже дёрнулась... неожиданно, как бы сдаваясь, вытасила из-под брюшка кверху передние лапы, ощупала ими – точно как если бы человек руками! – Макушку, и даже по бокам уши, если у лягушек есть уши... – мне было искренне жаль, так она очень жалобно ощупывала голову... А потом бедняга сложила передние лапы поверх головы – крест-накрест – точно как наши солдаты в фильмах про войну, зарываясь в землю, покрывали голову руками, защищаясь от грохота немецких снарядов. И затихла. И так и лежала, вообще больше не шевелясь...

После этого я уже камушки в них не кидала.

А жабу запомнила: такая чёрная и страшная и одновременно – отчаянно-трогательная в своей беззащитности. Из-

за невозможности выпрыгнуть из ямы, уставшие после многих попыток, лягушки и лягушата просто лежали на дне и легонько подквакивали, – совсем вяло, нисколько не жизне-радостно в сравнении с собратьями из близкого болотца.

Да уж... дом бывшего любовничка совсем не походил на привычные подмосковные скворечники...

Европейский стандарт, – промелькнула быстрая мысл-лишка. – *И американская свобода*... – ухмыльнулся внутрен-ний сарказм, имея в виду величину участка вокруг дома...

Участок показался реально большим. Кроме газонов во-круг дома, позади начинался настоящий лес, ну и кустарни-ки, конечно, цветов не много и деревья. – Разумеется, всё стриженное, как положено:

– *Хорошим мальчикам под полубокс*, – в привычной ма-нере заценил внутренний голос.

Первое, что бросилось в глаза: рядом с калиткой, вернее – кованными чугунными воротами под два метра в высоту – позеленевшая в патине скульптура прыгающей вверх лягуш-ки. И рядом ещё две скульптуры летучих мышей, – тоже ме-таллические, только без патины – чёрные...

Лягушка снова напомнила давнишнюю из детства жабу...
– *Подсознание сопоставляет, вспоминает, вычисляет*.
Умная машина в человеческой голове... – констатировала я

и заулыбалась навстречу Стивену.

Следовало быстро выбрать линию поведения. При явно не оформленных в традиционные отношениях, требовалось срочно войти в какую-то роль, а какую – на ум не приходило.

– Добро пожаловать в мою крепость! – Провозгласил будущий повелитель с ласковым выражением лица, подбадривая замедлившиеся было шаги гости.

Вот же неразгаданный принц, – странновато-тоскливая мыслишка неуклюже дрыгнулась во время приветствия, но зависла, не поддержанная хозяйкой, и я продолжила движение к дверному проёму, волоча за собой сумку на колёсиках.

* * *

Дом и его обстановка меня одновременно озадачили и смутили.

Озадачило присутствие вещей – явно женских, причём вовсе не спрятанных где-нибудь на чердаке, чтобы любовница не заподозрила неладного. В одной из комнат, например, совершенно преспокойно стоял большой шкаф с женской одеждой. На вопрос, чья это одежда Стивен просто сообщил о наличии у него взрослой дочери.

Ну чего в самом деле особенного? Дочка гостит у разведённого с матерью папашки? Что называется: не волнуйся Лю Лю, всё под контролем!

А попутно – наличие других вещей, в другой комнате второго этажа, уже мужских, но не Стивена. Кого-то ещё...

Самое время было бы его порасспросить, не проживает ли с ним случайно ещё сын, брат или отец, но может даже любовник, почему нет? Разумеется, тоже взрослый, но может всего лишь частый гость?

Уж не знаю, как такой интимный вопрос воспринял бы загадочный принц... с моей-то ехидной манерой ничему не верить, но всенепременно на всякий случай подтрунивать, прозрачно насмехаясь: *как-же, как-же! Само-собой! Конечно! Очень тебя понимаю!* – излучая при этом недвусмысленный намёк, вроде «ну и насмешил, глупышка»!

Но хвала Аллаху – Стивен просто проигнорировал мой интерес по поводу странноватого присутствия в доме вещичек какого-то, вероятно, дружка: либо дочкиного, либо самого Стивена. И ещё, хорошо бы добавить, что я реально допускала среди прочего подозрение о проживании любовничка в доме с другим мужчиной. Вот кто он? – Это конечно требовало ответа. Отец, брат, сослуживец? Партнёр... по танцам – например, в постели? Почему нет? Не по шахматам же?

Однако со времени нашей единственной встречи прошло два года, надо было срочно корректировать устаревшие файлы из памяти влюблённой когда-то дурышки.

– Кто этот парень сейчас? – На данный вопрос мне следовало найти ответ, и желательно найти его срочно. Очень хотелось его определить, поставить на полку опознанных объектов. Не важно положительных или отрицательных, лишь бы не эта жгучая неизвестность. Хотя, правды ради, надо признать: неизвестность эта сильно возбуждала. Вот прямо реально сильно. Так что порой находиться рядом и без тайной мыслишки «вот бы он меня потрогал» становилось вполне затруднительно.

Но традиционно-воспитанную барышню такие мыслишки как-то неуютно пугают. Будто бы они ограничивали мою божественную свободу. Но я-то – дитя богемы! Мне свобода дороже самого дорогого бутерброда! А тут такое недоразумение: прямо, хочется его и всё тут! Не до сантиментов... Уж...

Вот оно как обернулось-то! Опять вспыхнуло – то самое влечение.

Так уж наверно он насладился! Когда почувствовал снова моё падение в заворожённость! По типу куклы Барби. Вроде бы, только зыркни на бедолажку точечным попаданием... и – клади её на спину, она будет только глазами моргать, а ещё вернее – сразу закроет их (от испуга из-за собственной реакции на таинственного незнакомца)!

И затихнет ведь! – позабыв мгновенно! – о том, как положено обольщать мужичка, разыгрывая из себя секс-бомбу...

Сказать честно, на самом деле я давно уже заметила: стоит лишь нечаянно влюбиться, и всё – пропала моя душечка и бабская привлекательность. Покатился поезд моих умений в этом деле под откос моих печалей!

Телесные ощущения тогда делаются настолько тонкими и чувственными, что содержишь их яко священную чашу Граля, лишь бы не расплескать! – Сразу затихаешь: ни тебе игры в любофь, ни активности во имя поразить своими умениями... ничего... просто лежишь и кайфуешь, а уж чего там твой возлюбленный – пусть хоть пальцем коснётся до бровей или поцелует коленку – кайф по телу разливается так, что не дай Бог шевельнуться неосторожно – всю магию можно загубить! И тогда ищи её – лови...

Оно, конечно, мужичок при таком раскладе – если сам дубина бесчувственная и ничего не понял, то – уж наверно примет влюблённую дурочку за «бревно в постели»! Ничего иного ему ведь в глупую голову не придёт. Любовь-то как известно – зла... и, конечно, можно влюбиться в совсем даже бесчувственного козла... со мной такое почти невозможно, но, однако, было! – Пришлось оплакивать своё такое попадалово, да и разлюбить... и я над этим работала целых две недели... – ничего же при таком случае не поделать? – Насильно мил не будешь...

– *Вот же – боюсь я его что ли?* – Прошелестело в голове. Дурацкую мысль пришлось срочно отбросить и начать вы-

страивать общение.

Взрослая дамочка всё же! Нельзя себя так распускать...

* * *

Но, разумеется, всё обошлось.

Через два дня мы уже охотились на уток. Не знаю, какое у дружка было для этого разрешение. Для охоты в Соединённых Штатах необходимо иметь лиценс. Только одним прекрасным вечером Стивен притащил два ружья, патроны и высокие резиновые сапоги, а следующим утречком мы выехали на фиг знает какое озеро, и там я стреляла по утке. Вернее, по двум. Не попала ни разу.

А он застрелил... Не подумайте, комара или оленя... Но и не утку! А какую-то птичку, вроде воробья, или наподобие того. Подобрал, положил в сумку, якобы для собаки. На том охота и закончилась.

Мне показалось, что загадочному принцу до этих уток было совсем наплевать. Никакого такого возбуждения они, захлопав крыльями и тяжело взлетая с водной поверхности – таки не вызвали.

Мне-то подстрелить толстенькую уточку уж конечно очень хотелось! Но не повезло.

А ему? Выстрелил пару раз – без особого энтузиазма... А больше ничего не заметила. Не было в его поведении никакого адреналина... ничего, свойственного рыбакам или охот-

никам. Даже не расстроился ни разу. Надо мной легонько подтрунивал, но не более того.

Когда же мне повезёт разгадать его тайну?

Глаза, если в них заглянуть – утонешь быстрее подстреленной утки! Та хоть барахтаться наверно будет. А мне нет, даже побарахтаться не удалось: так и ушла туда – в глубину, как в нефтяную скважину всосало...

Такие дела...

Что я там нашла – на дне его карих с искорками, напоминающих о сказках Тысячи и одной ночи, глаз? Какие слои природных ископаемых? Что манило туда? – Ничего не понимая, мне порой становилось странно-неуютно, словно под воздействием... чего именно? Может наркотика? Но увы – хотелось туда, хоть тресни!

Тонуть так тонуть, прощай жизнь – прощай память и здравый смысл!

Но каков мерзавец! Только взглянет на бедняжку Лю Лю и всё – та уже на спине-лапки кверху, и молчит!

В целом, мне не было ни скучно, ни опасно, мы отлично ладили. От моих вопросов он уходил грамотно – ровно так как надо, чтобы дамочка не засунула его в элегантную от дорогого дизайнера сумочку, что прочитанную бульварную книжонку.

А что оказалось ещё привлекательнее прочего? – Любовничек оказался писателем.

Романист! – Это ж какая находка для начинающей звёздочки, ведь я собиралась всерьёз заняться писательством? Для маленькой Лю Лю, до поры не засветившейся на небосклоне всемирной славы... или пускай бы маленькой занозы среди прочих в читательской памяти файлов...

– *Стивен Кинг, – украл он что ли имя известного романиста всех времён и народов?* – А как хочешь, так и считай... И это ответ? Но кто так отвечает на серьёзные вопросы? Да и к чёрту! Какое мне дело? Это меня совсем не касается!

– Стивен? Ты сюжеты сам сочиняешь, или вспоминаешь из юности?

– А мне всё равно. Всё вперемешку. Грешки детства или мечтания юности, какая в сущности разница, где правда, а где вымысел? Кого это когда волновало? – он помешивал коктейль в бокале и отпивал через соломинку.

А за спиной на полках стояли тома книг, много-много книг. Все аккуратно оформлены, почти новые, разных авторов. Трудно представить чтобы Стивен их читал, слишком уж выглядят серьёзно. Не похоже, что он любит вдумываться и морщить лоб над какой-нибудь идеей классических поучений. Хотя идеи он узнавал нараз. Стоило только намекнуть – сразу подхватывал суть – с лёту, что называется.

Не грузился, но откуда-то обо всём-всём знал.

– А зачем тебе скульптуры лягушки и летучих мышей? – люблю неожиданные вопросы, чтобы замешкался и не знал, чего ответить.

– Как зачем? Это же мои основные герои книг. Я их просто люблю.

Любит он... (представьте вместо меня плачущий смайлик)... а я-то хочу, чтобы любил меня... А тут лягушка. – Конкуренция, однако... поди её устрани. Это тебе не соседской девчонке юбку закидать глиной... Любовь у него. А кто я? Так себе – непонятно кто.

Обидно. Но ничего не поделаешь. Я сама-то сколько любила? Или мало кому сердечную рану нанесла? Надеюсь, хотя бы сама не изранюсь... Лягушек он любит, не зря по Парижу шляется...

– А ты лягушек в Париже ел? Пауков на востоке, скорпионов, змей, собак, черепах? Ел?

– Ел.

– А меня мама учила не есть всех подряд, она даже против нутрий и кроликов ужасно возражала. Говорила, если пальцы с когтями, то таких не едят. В итоге я крабов люблю (у них пальцев-то нету), а лягушек – ну, нафиг... И пауков ел?

– Нет, пауков пока не доводилось.

– А ты людей убивал? – Пауза затягивалась, Стивен не отвечал. Холодно засосало под ложечкой.

– А почему ты спрашиваешь? – Признёс он, наконец, и посмотрел на меня в упор с какой-то новой улыбкой. Мне показалось, что так он ещё не улыбался.

Похоже: я изучала его – так же, как он меня, когда занимался сексом... – Только искала, хладнокровно исследуя, не точку G – вожденную икону из энциклопедий и поисковиков наподобие «тайного Пути к дамскому счастью», а как раз – его «болевы́е точки»...

Найду ли? Есть они у него? У всех есть, где-то же ведь запрятыны? За столько времени ни одной не нашла. Просто не могу поверить.

Почему я спрашивала? Да откуда мне знать! Вот просто интуитивно спросила. Но почему он не ответил – в обычной манере: просто и откровенно? Неужели мне таки повезло найти его иголку Кашееву? Во мне мгновенно вспыхнуло удивление.

– Да просто случайно пришло в голову. Не знаю, как ответила бы сама, если бы убивала. Это ведь вообще-то... как бы сказать – незаконно... Поэтому глупо ждать честного ответа. Мне несколько раз снилось, что убивали меня. Вот так прямо – дуло в лицо и... – бабах, выхлоп и горячая струя энергии в лоб. Запах пороха... И через совсем небольшую паузу – я снова жива. Только уже точно знала, что умерла после выстрела, но – снова жива. Возродилась.

И это было вообще не больно, и не страшно. Только очень сильно удивительно! И одновременно – поражающая мысль: *и это всё?!* И сразу ответ-осознание: – *да, всё!*

Тот сон был таким реалистичным...

И позже уже казалось: я пережила это наяву. И вскорости воплотилась снова. Меня убили молодой. Но не осталось даже обиды, как будто тот парень был прав. Я отказалась его обслужить, хотя могла бы, ведь я никуда не спешила... Но закрыла дверь. Во сне я работала вроде бы продавцом. Не помню точно где – может на почте или что-то вроде того. Он подошёл, когда я запирала офис. И попросил продать ему что-то, якобы «очень нужно, неужели жалко задержаться всего на пять минут»? А я холодно ответила, мол, рабочее время вышло, приходи завтра. Совсем по-американски. Тогда он вынул пистолет, навёл на моё лицо дуло – прямо между глаз, и просто выстрелил. Последнее, что я увидела – чёрную дырку ствола в 30 сантиметрах от лица... в диаметре примерно с небольшую вишню... и сразу выстрел.

И я умерла, за гранью сознания сожалея о том, что глупо не согласилась с его просьбой. Мне это ничего не стоило, а ему нужно. Почему я тогда его не послушала? Это был чёрный парень. Молодой, не бандит. Вообще-то я вполне доброжелательно отношусь к просьбам, но тогда отнеслась формально и безразлично. Прямо робот по имени «*магазин закрыт, приходите завтра*»...

– Но может если не ты сам, то хотя бы тебя убивали?

За окном шелестели деревья, от одного из них по траве проскакала белка. Коктейль в бокалах переливался на солнце рубиновыми отблесками. В составе коктейля ощущался горьковатый привкус полыни. Это Кампари. Люблю Кампари, с ним связаны добрые чувства. Чирикали птички и стрекотали цикады. Мы оба погрузились в воспоминания. Стивен, понятно, в свои, я в свои.

Ветерок приятно обдувал лицо.

– Где ты, Стивен? О чём ты вспоминаешь?

– Я вспоминаю, как убил странствующего бездомного.

Повисла нехорошая пауза. Стивен оставался, как обычно, спокоен и невозмутим.

В самом деле, ну чего особенного? Ну попался на дороге странствующий бездомный... ну наверно чем-то помешал... а не надо было. Вот как я во сне – ответила грубо, формально, совсем не человечно. Оно и понятно – схлопотала пулю в лоб. В другой жизни буду аккуратнее с людьми, бережнее к собратьям... лояльнее, внимательнее – это же хороший урок, или как?

– Ну да, урок. Урок это всегда хорошо. – Стивен едва заметно шевельнул плечами – ласковый и безмятежный, давая понять о закономерной разумности в устройстве вселен-

ной... а мне снова захотелось, чтобы он меня ласкал.

Подумать только: он рассказал, что спокойно убил человека, а мне всё равно – моё тело изнывает, сучая по его телу. Убил бездомного... а может и не одного, но только сказал про одного. Может он запомнил этого, потому что тот «ощупывал голову руками» когда принц безмятежно выстрелил ему в лоб? Ощупывал так же, как лягушка в моём погребе далёкого детства. И потому запомнилось?

В груди зябко поежилось что-то неведомое. Интересно, а вдруг он убьёт меня?

А что? Вот так же спокойно как подстрелил птичку?

Стивен будто читал мои мысли и соглашался. Так ласково, так замечательно – от его взгляда у меня плавилось в голове. Не не только. Похоже, у меня вот-вот намокнут трусы. Однако, ломать это дремотное состояние совсем не хотелось. Я просунула руку через шорты и проверила, не нужно ли срочно бежать в ванную, чтобы привести себя в порядок. Но нет, такого уровня увлажнения ещё не наступило.

Я извинилась взглядом и отхлебнула значительный глоток коктейля. Через край бокала, без трубочки. Трубочка эта дурацкая... В Москве – юные студенты-художники – мы пили спирт, в парке, частично поливая им дорожку и поджигая, чтобы продемонстрировать зевакам, какой крепости напиток мы изволили заглотить без закуски, а лишь занюхивая воздухом, или рукавом... а вино или коньяк запросто лакали

из горлышка! А тут – трубочки, мать их... Какие нежности...

Мне припомнилась Россия, Москва в доперестроечные времена. Боже мой, как же мы кутили... Конечно, ничего криминального, но приключения ловились нашими задницами регулярно и в больших количествах.

А теперь я в Америке, сижу со знаменитым писателем, – он же знаменит? – Уж, наверно, если отгрохал себе такой дом?!!

До чего же лениво было задавать насущные вопросы! Я просто ничего не хотела знать. Какая, к чёрту, разница! За муж он меня не позовёт, а тогда какое мне дело до его биографии и прочих деталей быта? Ну, про дочку рассказал же... Чего сам захочет – расскажет. А чего не захочет – мне без разницы. Конечно, самосохранения ради, нужно бы вызнать, но до чего же лениво... – вот хоть стреляйте, а спрашивать не буду. – Не буду! И не уговаривайте!

И я снова значительно отпила из бокала, после чего коктейля оставалось совсем немного, на дне.

Стивен следил за моими мыслями. Зачем с ним вообще разговаривать, если он читает по излучениям из моей многострадальной бошки? Он меня читал – как книгу, которую сам же и пишет. Я чувствовала как он влияет, он чувствовал как я реагирую.

Отличная парочка!

А где-то садится человек в пирогу и думает: поеду, нарву бананов... – медленно, словно засыпающая осенью муха, проплыла гениальная фраза из кинофильма Неоконченная пьеса для механического пианино.

Да уж, а где-то люди, там у них дела, суета, заботы. А тут – сидим мы двое – за ночь облобызавшие друг дружку с ног до макушки, и подумываем:

Я: А не убьёт ли он меня?

Он: Интересно, как она себя поведёт, если я начну причинять ей реальную боль?

Ну действительно, не плохо бы подготовиться заранее. Только ведь бесполезно! Он же всенепременно выберет момент, когда я расслаблюсь, и неожиданно... – что сделает?

Ударит ножом? Выстрелит из ружья? Но его всё-таки внезапно не вытащишь, обязательно увижу... Хотя если уложить в постели лицом вниз, то пожалуй и можно... Да, из ружья было бы удобно. Но кровать прострелит, а может и пол. И вообще: не похоже, что Стивен большой любитель выскребать из-под кроватей кровь и разбрызганные мозги, а её, уж наверно, натечёт... Весь матрас на помойку...

Нет, в кровати он стрелять не будет. И ножом резать тоже.

Тогда яд? – Нет, яд не позволит наблюдать перемены в глазах. Вряд ли – яды не его стихия...

Вывести в парк? Или на озеро... Прижать посильнее, обнимая, и... быстро, резко, глубоко... и смотреть, смотреть, смотреть... – в глаза, на грудь, снова в глаза... а я буду медленно уходить. Так медленно, как только смогу. Чтобы он наслаждался – увидел, рассмотрел то, что хочет увидеть.

Вот как я: хочу его увидеть! Так и он – вполне имеет шанс...

– Может нам пора поесть чего-нибудь? – я тихонько возвращалась из внутренних видений о том, как возлюбленному Принцу Стивену будет удобно меня прирезать... – Может поедем куда-то? Или можно приготовить дома. Мы же вроде вчера покупали? Можно по быстрому соорудить, например, омлет? – Мой голос нисколько не изменился, привычно и буднично он звучал ровно так, как надо. Спросить про еду мне не показалось лениво. Не странно ли, отчего так?

– Просто про еду спрашивать привычно, а про необычные вещи нет. Не волнуйся об этом, это нормально, – читал он мысли, легко и непринуждённо...

– Ты что, подсыпал что-то в коктейль? – у меня странно кружилась голова. Подумала, было, встать, но сразу отказалась – лениво. Зря я предложила что-то приготовить – надеюсь откажется, ведь я не смогу стоять? А может даже и встать с кресла...

Его глаза, искорки... так приятно... моя сонливость...

*Ах, до чего же мне хочется погрузиться в омут его тай-
ны...*

Забинтованные ноги

– И сколько я спала? – Тщательно щурясь пробуробила я сонно, но обиженно, ни к кому не обращаясь и при этом продолжая дремать. Голос хрипловатый. В теле тяжесть, в затылке блуждающая боль. Ноги казались чужими и опухшими. Потрогав их под одеялом, я обнаружила что они аккуратно забинтованы.

Где я? В гостях... у... парижского любовника... прилетела... хорошо... несколько дней... мы разговаривали... я стреляла уток... пила текилу... и? – горький... как на юге... Спрашивала... что-то ещё... и теперь? – лежу в спальне... – живая... Стивен? – Одна.

И сразу – недоумение.... *Почему одна?* Почему заснула? Похоже я заболела... как будто знобит...

За окном темно. В комнате тоже.

В ногах что-то дернулось, где-то отдалось, сердце неприятно заныло. Поранилась что ли где-то? Что с ногами-то?

Интересно, где Стивен? Может ушёл? В бар? К тайному любовнику? Или где-то поблизости – замышляет что-нибудь... но скорее всего сидит в кабинете и работает. Или читает письма поклонниц. А может занят колдовскими экспериментами?

А может мне пришили чужие ноги?

Вот как в фильме «О счастливец»? Согласился паренёк на эксперимент в мутной больничке, обещали заплатить – позарился, а среди ночи, непосредственно перед операцией, проснулся случайно, а сосед по палате странно хрипит и пускает из носа пузыри. А ещё дёргается телом... Вроде как буд-то чего-то с ним не так...

Паренёк главный герой тогда подкрался к кровати соседа, да и простыню-то, укрывающую тушку – откинул!

А там – с пришитой головой соседа – дёргается эпилептическим манером волосатая туша свино-борова! – Лежит на боку, вздрагивает и мелко-мелко сучит четырьмя копытцами...

Герой – с перепугу – аж с третьего этажа выпрыгнул: – сквозь стекло. Не иначе, каскадёра нанимали...

Да. Сквозь стекло... – навывлет...

А в Москве?

На четвёртом этаже... по комнате мечется великовозраст-ный детина, выпить хочет, ломает его со всей дури... пока мать детины побежала на своих инвалидных ногах за водкой... А сам-то... ловит кого-то в воздухе. Руками схватывает: одной, другой, потом снова... И снова. Чёртиков, наверно, как описано в медицинских признаках белой горячки... Так, хватая попеременно обеими руками воздух, дошёл до окна, да, похоже, большого чёрта увидел! Да и – сквозь стекло – навывлет... – рукой... что тот каратист на показательном

выступлении...

Ясно дело – стекло вдребезги, двойное – оба слоя пробил: *«стукнул раз – специалист, видно по нему»!*

И сразу вдруг повыше запястья на руке – фонтанчик... поднимается и опадает! Поднимается и опадает. – В ритме... Алый фонтанчик... а хотелось бы потемнее. И не густой, а хотелось бы – погуще... Разлетается брызгами на полу и по ковру – слишком широко, но всё равно словно в замедленной съёмке...

А мужичок-то, детина, сразу проснулся – вмиг вылечился от горячки! И руку свою протягивает – суёт... и скулит жалостливо – подвывает... жалко так...

Крови уже по всему ковру много – вписывается в орнамент – совокупляется в современном дизайне от потерянного поколения...

Нет, конечно – я так резво, как герой кинофильма, не подпрыгнула. Напротив: медленно, но откуда-то очень чётко припомнила, где искать жгут, резиновую трубку для отсасывания воды из аквариума. Достала, удивляясь, что припомнила верно. Перетянула руку повыше локтя. И набрала скорую.

А потом спокойно села рассматривать, насколько изменился вид ворсистой поверхности ковра. Поверхность стала какой-то будто не красивой: алый цвет втянулся между ворсинками, и в целом – всё вместе сделалось почти чёрным. Сначала-то красный хорошо контрастировал с зелёным и си-

ним, но не долго.

Пока мать дитины принесла, наконец, спасительную бутылку, её дитятку уже увезли на скорой.

Ну а позже?

Да он замёрз на улице. Насмерть. Зимой следующего года.

Руку-то ему зашили, а голову... – вот кому бы очень пригодилась другая голова – какого-нибудь, к примеру – пришили бы голову орла? Или чью бы ему надо? Может, моржа? Или древнего мудреца? Чтобы не привела его замерзать – в отравленном бессилии – посреди безразличной к страданиям загубленных в каменных джунглях детей столицы.

Сквозь стекло – навывлет...

Не буду смотреть на ноги, всё равно ничего не видно.

Америка. Стивен Кинг. Принц. Утку не подстрелила. Не попала. Москва. Четвёртый этаж.

А я видела тело, выпавшее из окна примерно с девятого.

Мимо окон вниз летело, а подол платья развивался и вихрился. Случайный взгляд примагнитился, и остановилась, и смотрела. И тело тупо шлёпнулось на козырёк над подъездом. Тогда его уже видно не было, и я пошла дальше.

Я возвращалась с кладбища, где навещала похороненную маму.

Нормально там на могилке, специфически очень тихо. Но

мамы там нет. Она скорее во сне придёт, чем отзовется из-под земли на кладбище... Хотя по правде сказать, она за все годы только два раза снилась.

Один раз – специально, приснилась чтобы предупредить.

В какой-то избе с бревенчатыми стенами мама сидела за дощатым столом, вероятно от времени сильно почерневшим, очень большим – на пол-комнаты... Мама посмотрела на меня, входящую в избу, и строго произнесла: *«не надо тебе с ним быть»*. Обычно покойники во снах не разговаривают. Понимаете? – *Не надо...* – так и сказала.

И всё. Без объяснений..

А я как раз уже была! С питерским парнем. Мы ехали на его дорогом почти новеньком джипе. В сторону *«туда»*. Она приснилась днём на стоянке, когда мы, остановившись отдохнуть, задремали на пару часиков. И мама предупредила.

Я дружку рассказывать не стала. Чего хорошего услышать, что мёртвая мама не велела мне с ним дружить? Зачем ему знать? Ещё обидится, мол, родственники не уважают.

Но зря я не послушала маму. Надо было услышать, пускай бы хотя бы и без объяснений...

Дружок меня – по дороге в сторону *«обратно»* – разбил. Сильно разбил. Почти что вдребезги...

А сам... не пристёгнутый был – сквозь стекло, навывлет – через лобовое: сначала вперёд, а потом вниз – с моста на перекрёстную трассу скоростной магистрали... строго на раз-

делительную полосу. Наверно там тоже расплылось алое пятно: сначала яркое и контрастное, а потом почернело – впиталось междугородной трассой.

А на кладбище мама точно не задержалась. Её там нет. Надеюсь, хоть кто-то там иногда есть, появляется, чтобы высвободить зарастающий травой крест. Хотя кому там быть? Одни умерли, другая уехала.

А дружок – приходил, – в больницу приходил... после смерти...

В чёрном доверху застёгнутом сюртуке, похожем на традиционно-еврейский прикид. Как если бы умер и оделся достойно, только пейсы отрастить не успел. А при жизни дружок причёской напоминал вокалиста из «Песняров», была когда-то такая популярная группа в СССР... Бывший художник, он трудился декоратором, оформлял богатеям дома и рестораны. Когда-то питерский диссидент...

Вошёл с двумя чемоданчиками-дипломатами. Постоял у кровати молча. Без обид – совсем спокойный. Несмотря, что мы перед обратной дорогой серьёзно поссорились. Не хотела я с ним возвращаться, улететь хотела самолётом, но не сложилось – билет найти не сумела, не было.

Пока он рулил в дороге, я четыре раза просила: давай остановимся и поспим в машине... Большая у него была машина: джип Land Rover... – не захотел... мужчина же! Силь-

но был упёртый: хотел в гостиницу, а уснул за рулём.

Ну и в больнице – открыл свой дипломат, да как-то так... боль моя: из живота – в его дипломат сама и втянулась, как в фильмах про аномальные явления – поползла мутным туманом и струйкой забралась в чемодан. После чего он закрыл крышку и застегнул. А другой дипломат – открыл. И на освободившееся от боли место – на пустое – из дипломата ко мне в живот струёй загрузился золотистый искрящийся свет и заполнил пустоту.

Это он хорошо сделал: пустоту всегда следует заполнить чем-то светлым, чтобы туда не заползло чёрное.

Когда золотистый свет переключался в меня, гость закрыл второй дипломат, постоял ещё немного около постели, как бы прощаясь, и ушёл. И никогда больше не приходил, ни в видениях, ни во снах. Я знаю, что он простил. Мне тоже пришлось простить. Всё таки выжила же? Хотя и трудно.

А вот мама в больнице не выжила. Домой её привезли уже мёртвую. И дружка к жене тоже вернули мёртвым.

Не хорошо как-то в доме любовника так долго вспоминать покойников. Не правильно.

Но на самом деле, когда же их ещё и вспоминать?

Не на пирушке же? *Дорогие друзья, а не поговорить ли нам о моём дяде – святом человечке, мамином брате, скончавшемся во время международного телефонного разговора? Со мной. О дяде, уморившем себя голодом из-за дорого-*

визны девяностых.

Может когда-то в романе про них всех написать? – В знак памяти?

Я ещё ни одного романа Стивена не прочитала. Не предложил. А сама как-то не захотела спрашивать. Всё же загадочность на меня воздействует мистически, а вдруг узнаю что-то такое, и оно всё испортит?

Но что именно? – Вот же беда, гадаю только. Но читать всё равно не буду. Нет.

Изучать литературное наследие Загадочного Принца? Лучше бы, может, пусть – во мне наследие оставил? А чего? Я бы родила малютку. Маленькую беленькую Лю Лю-копию, было бы здорово!

Помню, иду с мамой за руку, а волосы у меня были такие белые – чисто ангелочек-альбинос! И постоянно вокруг восхищались: *«ах вот же, какая милая девочка! А кто же ей волосики покрасил?»*. Я верила, что выгляжу будто раскрашенная кисточкой.

Позже даже упростила маму купить и мне кисточки и краски, чтобы раскрашивать волосы других милых девочек. Так и стала художницей.

Хорошо было бы получить от Стивена такое наследие. Конечно, если он меня всё же не зарежет.

Вот же размечталась...

Одним прекрасным вечером: войдёт в комнату тот второй, который здесь живёт кроме Стивена. Улыбнётся, по типу «*ах вот же какая милая девочка, а ну-ка давай, дружище Стивен, посмотрим, что у неё внутри?*».

И вдвоём – нависнут надо мной, связанной или спелёнутой, аки куколка от бабочки-шелкопряда, – в точности так, как нависли те любопытные путешественники: на трассе, когда набежали, увидев измятый и перевёрнутый колёсами кверху джип и рядом девчущку, свернувшуюся калачиком на полотенчике для мытья окон... Колёса наверно ещё крутились, зависая с моста над пустотой...

Хороший джип – не взорвался, несмотря на газовый баллон, для ремонтных работ хранящийся в багажнике друга.

Бедная Лю Лю, когда почувствовала их взгляды и открыла глаза... – свысока на неё пялились сразу несколько лиц: в круг, будто лепестки подсолнуха – примерно восемь-десять голодных до зрелищ – втырились, излучая рентгены любопытства. Их занимал общий вопрос: *неужели им повезло увидеть мёртвую девочку?* Как в кино!

Увидеть совсем ещё тёплый труп – такое завсегда бодрит. Лю Лю стало отвратительно гадко, и она снова закрыла глаза. Непреодолимо хотелось спать.

Спать, спать, спать...

– Если захотят посмотреть, *что у меня внутри* – может я так же – просто внезапно засну?

И тогда буду видеть сны... как Стивен заходит в больничную палату... с двумя чемоданчиками, в один из которых заберёт мою боль, а из другого заполнит пустоту чем-то золотисто-светлым...

А в следующей жизни я влюблюсь в человека с двумя чемоданчиками в руках, и он будет вызывать во мне неразгаданные таинственно-мистические чувства, и я пойду за ним на край света... а там он скинет меня с обрыва, выхватив у меня дамскую сумочку, где хранились все мои многими унижениями накопленные на новую жизнь денежки...

Примерно так, как в Ялте... когда баллон слезоточивого газа в лицо, а сумку – в руки...

И хорошо, если я всё-таки не разобьюсь и не утону... так же как героиня из «Ночи Кабирии»...

А после я пойду куда глаза глядят и встречу свою любовь... где-нибудь посреди прекрасного сада, среди роз, щебета птичек и неспешно прогуливающих дам. Я буду идти в лёгких туфельках и под зонтиком... но вдруг появится незнакомый принц и попросит меня отдать ему зонтик, а когда я откажу... – я же откажу? Ну а как иначе, если не могу просто выполнить то, что просят? Всегда мне нужно знать, чем вызвана просьба, оправдана ли? И если просьба не понятная, даже если и совсем невинная – я в конечно откажу. И тогда – он выстрелит мне в лицо...

А может не так.

Может, Стивен с напарником придут с двумя ружьями и маленькой окровавленной птичкой. Одним ружьём Стивен сделает отверстие в куколке от бабочки-шелкопряда и вложит туда птичку, а другим... его дружок пошевелит в отверстии мёртвую птичку, а потом они будут обсуждать, кто из них вернее застрелит утку... И пусть кто-то из двоих решит, кого из нас принять на роль утки: птичку у меня в животе или меня – глупую и доверчивую Лю Лю.

Скоро рассвет. Может утром закатить Стивену истерику?

Только вряд ли получится. *Оставь надежду всяк сюда входящий*. При его постоянно добродушном выражении лица и беспрецедентной невозмутимости? Мне даже не представить такого. Вдруг истерично закричать? В его присутствии? Невозможно. Вероятно, именно поэтому мне лезут в голову абсолютные нелепицы, одна другой фантастичнее.

За окном протяжно завыл чей-то пёс. И следом захлопала крыльями тяжело взлетающая птица.

– Утка, конечно, кто же ещё... – вздохнула я...

Вставать не хотелось. Самочувствие всё ещё было не здоровым.

– Интересно, это я его так люблю? Лю лю...лю лю? Сти-

вена? Или чего я делаю? – Подумала я, удивляясь тому, что не задавала себе этого вопроса. Это как бы подразумевалось само собой. Ни разу после того первого признания ещё в Париже, когда отчаянно-повинно сообщила ему, что втрескалась по уши. Практически через полчаса после обмена первыми приветствиями...

Странно, однако, спросив себя, я не почувствовала негодования или глупости такого вопроса. Напротив, он меня заинтересовал. По всему выходило, что я совсем не уверена, что люблю его? В его власти надо мной – не сомневалась, а вот любовь это или нечто иное – это ещё следовало распознать.

А если спросить иначе: обожаю ли я его? Да, разумеется. Беспощадно обожаю. Мистически!

Рабски? – Ну, не знаю... Наверно всё же нет. Если кривая выведет куда-нибудь не туда, то откуда ни возмись зайвится мой вечный партнёр и голубчик сарказм. И засмеёт меня же, издеваясь самым порочным образом.

Сарказм мой вечный напарник в бесконечных блужданиях по лабиринтам и ухабам бытия. С ним мы всегда придумаем, как увернуться от ударов судьбы. То есть, судьба-то своё дело знает и лупит-мало не покажется, но его величество мистер Сарказм внутри девочки Лю Лю – смеётся, тайно не веря ни Богу, ни чёрту, ни обещаниям «вечного блаженства» и прочего мусора для ловли буратин.

Буратин всегда ловят на липовые прутики, привесив к ним блестящий бриллиантовым блаженством крючок. А чего – недурно вышло: Блестящий Бриллиантовым Блаженством Крючок? Прямо можно так и записать: *чтобы заложить для себя трудящегося бесплатно буратину – требуется закупиться достаточным количеством БэБэБэКов.*

Коротко и доходчиво?

Ну нет, только не для буратин! Этим – лишь бы впереди светило «блаженство» (имеется в виду что угодно из разрекламированных ценностей для буратин)... Ключут-то буратины, конечно, на крючок, но – чувствуя не крючок, а *запах будущего блаженства*, излучаемый собственными извилинами мозга.

На самом деле, весь род человеческий живёт за счёт буратин, в частности только и держится: на бабском буратино-подобии... Как хошь её лупи, но подвесь необходимый ей же самой *БэББэК*, чтобы она постоянно глотала то, чего изволят ей вложить.

По правде сказать, похоже, я просто не знаю, что такое эта их человеческая «любовь». Любое описываемое влюблёнными чувство я легко признаю не любовью, а совершенно иными штучками. Например мои штучки? Можно их традиционно назвать любовью? – Ни секунды не сомневаюсь! Но – если не пугаться неделикатности – следует признать, что я вождедею любовника. Вождеделение это специально-точное

название того, что со мной происходит. Зависимость, заинтересованность, пристрастие к ласкам, комфортность в присутствии, уважение сродни поклонению – это всё есть точные названия моих чувств.

Но практически любое из этого – даже не совокупность, а единственное – люди традиционно переименовывают – в единое название: *Любовь*.

Одна на всех, мы за ценой не постоим!

Для каждой эмоции или чувства, разных по своей сути вещей – простенько и доступно (для буратин, вероятно, так и надо) существует – одно общеизвестное испокон веков название: *О, да это любовь, детка, раздвинь скорее ножки!*

Ну а зачем мне это? Переименовывать вслед за общественной бестолковостью? Но может многие люди не знают названия вещей или не различают собственных чувств в их многообразии?

Да, собственно, какое это имеет значение, люблю ли я любовника? Если бы не любила, то меня с ним и не было. Если уж данный вопрос кому-то и важен, так только мужьям и жёнам. Если не спишь – не хочешь, значит и не любишь. Просто, как математика младшего класса. Но всё это совершенно не важно.

А что важно?

Важно распознать, кто мы по отношению друг к другу. Словами песни Высоцкого: *«назад пятьсот, пятьсот вне»*

рѣд, и кто там после разберѣт, что он забыл, кто я ему и кто он мне»...

Так и я, вернее мы вместе с бедняжкой Лю Лю – маемся по жизни, и всё стараемся рассмотреть «кто я ему, и кто он мне».

А остальное – всё так... рябь на дороге познания.

В лесу

. Внимательно рассматривая вокруг себя, Стивен передвигался, образно говоря, на ощупь, не торопясь. Примерно так ходят по лесу бывалые грибники. Он любил лес. Замедляя шаги, отодвигал с прохода ветки, перешагивал через упавшие стволы, прислушивался к звукам леса, останавливаясь: вглядывался в лесных пичужек или с особым пристрастием – в изредка попадавшихся больших пауков. Не крохотных – привычно висящих на ниточках сотканной паутины, а крупных наподобие *Argiope aurantia*, паука-крестовика или *Dolomedes tenebrosus*, темного паука-охотника. Отдельные особи таких видов достигают размеров с человеческую ладонь и не плетут сетей, но подстерегают добычу на вертикальных поверхностях: например, прячутся в трещинах коры деревьев.

Хищные обитатели леса, всегда таинственные и опасные – серьёзные пауки в наше время сделались домашними питомцами для целых отрядов их поклонников: пауков разводят в неволе, изучают их повадки, выводят в стерильных условиях специальный для них корм. Стивен с удовольствием и сам разводил бы подобных паучат, если бы ещё в юности не выбрал писательскую деятельность. К паукам он питал явную симпатию.

Казалось, рассматривая лесных обитателей, Стивен далал

главное, ради чего родился. Он с детства интересовался живой природой. И ходить по лесу откровенно любил.

Основное воспитание Стивену досталось от деда. По отцовской линии.

Одно время родители его сильно ссорились и отправляли сына подальше, чтобы не травмировать психику мальчика. Но позже мальчик привык и уже сам предпочитал подолгу проживать у деда, и даже перевёлся учиться в местной школе того городишки, откуда когда-то уехал его отец. – Во всяком случае, он совсем не горел желанием оставаться при родителях во время их многочисленных выяснений. Наподобие тех, кто на что рассчитывал, когда сочетался законным браком со своей половинкой.

Ребёнку было очевидно, что родители не совсем понимали, зачем им родившийся мальчик. Свои отношения они выясняли без учёта интересов сына. А раз так, он не хотел им мешать. И когда родители, наконец, развелись – это никак не отразилось на ребёнке. Он этого практически не заметил, поскольку задолго до того отделился от обоих, улизнув из положения между двух огней. Возможно, благодаря этому факту Стивен очень быстро повзрослел.

По-сути он всю жизнь был предоставлен сам себе. И это не сильно волновало, а даже и устраивало – никто не лез в душу и не пытал расспросами вроде таких: «а кем ты хочешь стать, мальчик?».».

В его классе все хотели стать президентами, адвокатами, владельцами банка или компьютерными гениями. Однако становились примерно теми, кого желали иметь их родители. Например, зубными техниками, владельцами каких-либо офисов, мастерских или наподобие того.

Но, конечно – кто-то боролся за звание адвоката или доктора. В основном, чтобы сотрудничать – надо полагать: не неграми, а, конечно же – уважаемыми гражданами, имена которых упоминались бы, например, на страницах Форбса. А иначе, что за карьера? Иначе это и не карьера, а позор для именитых родителей. Один стыд за напрасно профуканные инвестиции! Неудачное воспитание родителями собственного благополучия. Провал в деле уважения сограждан.

А кем хотел стать сам Стивен? – Хвала везению, мало кому приходило в голову спросить об этом. Мальчик в тех редких случаях так смотрел на спросившего, что у того неприятно шевелилось внутри. Или даже по спине бегали мурашки.

При этом Стивен всего только и делал, что игнорировал вопрос, будто и не слышит. Только почему-то спросившему сразу-сразу делалось понятно, что мальчик отлично услышал вопрос – потому и смотрит. Но по тому же и переспрашивать его уже совсем не хотелось, а лучше хотелось – побыстрее смыться.

И уже через пару месяцев после появления нового маль-

чика в стенах старой школы – не только одноклассники, но и учителя не заговаривали со Стивеном ни о чём, кроме заданных упражнений или задачек. Также у него никогда не спрашивали списать контрольную. Каждый из его одноклассников лучше бы прыгнул в речку с моста, чем согласился предстать перед лицом Стивена Кинга после подобной просьбы.

Стивен легко выполнял задания, но в отношении с одноклассниками не вступал. Ни в каком виде, ни в одну из групп за все годы учёбы.

Вот такой вот «одинокый грибник» порой прогуливался по неведомому лесу.

На людях Стивен бывал редко. Хотя, являясь действующим членом Общества Филателистов, порой ужинал в клубном ресторане – часто в компании дамы.

Международный Клуб Филателистов – старинный, закрытый от посторонних глаз клуб, где встречались сливки общества от культуры, а также прочие многоимущие господа со своими гостями. Вход по членским пропускам или по письменному – именному – приглашению: на специальной гостевой карточке с гербом клуба.

В общении Кинг никогда не был многословен, но всегда внимателен, причём к каждому участнику беседы – равно. Будто все они – фигурки на шахматной доске. И играя партию, Стивену следовало хорошенечко проанализировать по-

зицию каждой пешки, слона или офицера. К тому же: сам не курящий – в курилке Стивен выглядел более чем естественно, не выделяясь на фоне завсегдаев с сигарами. Такой он обладал особенностью: делаться незаметным, когда наблюдал, и появляться как бы из ниоткуда, когда решал вступить в дискуссию. Однако, вступал крайне редко. И даже вступая в диалог – у собеседников не терялось ощущение, что Кинга (в клубе его чаще звали по фамилии) с ними нет, настолько безмятежно он высказывал самые нетипичные мысли, порой – оглушающе-неприемлемые для той прослойки общества, где он это произносил. Поражающее спокойствие не позволяло слушателям возразить ему вслух. И практически всегда любой из них предпочитал лучше промолчать, чем навлечь внимание Кинга на себя лично, рискуя, как бы тот не высказал ненароком чего-нибудь про него самого. Вот так же спокойно выдаст нечто, а члены сообщества (немного позже) примутся сообща смаковать, обсасывая детали... в сочетании с разной степенью домыслов – от признания правды до всевозможных интерпретаций по типу фиглярств и сарказмов, скрытых глумлений или уничтожающих в своей безжалостности острот.

По факту, Кинга не решались оспаривать, сообразуясь с его манерой высказываться.

Произнося самые нецензурные в культурном обществе суждения, он представлялся в виде инопланетного наблюда-

теля за земной цивилизацией. Наблюдателем, сообщающим сведения о начинающемся сражении – в газете для инопланетян, но при этом: глядя в глаза каждому землянину, пока тот начищает свои стрелы, готовясь к тому сражению.

Собеседники просто не в состоянии были ему возразить, и молчали совсем не потому что соглашались. С ним редко кто соглашался.

В тот день Стивен Кинг встал затемно. И теперь шёл в своё тайное убежище.

Запарковался, как обычно, на частной стоянке, чтобы остаток пути завершить ритуальным пешим ходом через лес. Примерно час на весь путь по тропе, но Стивен выделял на проход два. Поскольку любил двигаться медленно, совершая, как он называл – *общение с лесом*: прежде чем занять «лесной домик» под покровом этого леса.

Мистический ритуальный обряд.

И не то чтобы к «домику в лесу» – коттеджу, построенному несколько лет назад в заповедной чаще, его частной собственности размером около десяти акров – не было подъездной дорожки, – конечно же была! Но сам Стивен пользовался подъездной дорожкой для автомобиля только после того, как совершит ритуал.

И совершал его каждый раз, если собирался пригласить в дом гостей или гостью.

Таково правило.

Вот и теперь Стивен шел для того, чтобы подготовить дом для принятия гостей.

«Тайное убежище» это частный кусочек леса, с протекающей на участке рядом с коттеджем – вроде широкого ручья – небольшой речкой, берущей начало из подземных источников... С родниковой водой, постоянно холодной даже летом.

В сезон против течения на нерест шла форель. Там, где рыба прорывалась вверх, как бы выпрыгивая внутри небольшого среди булыжников водопада – её можно было поймать руками. Только уж держи крепко, чтобы не выскользнула. Но можно также изловчиться и – проткнуть рыбину шампуром для шашлыков, а ещё лучше поддеть широким специальным сачком. И поймать в сезон нереста за полчаса примерно три-четыре рыбки – плёвое дело.

А вообще, прогуливаться по чужой частной собственности в США не принято. Как и собирать грибы...

Делать запасы продуктов питания в Америке полагается строго в магазинах, предварительно проверив ценник на предмет совместимости со своей кредитной картой.

Так что, встретить посторонних на частном участке, даже лесном, явление совсем не популярное. Разве что – ниже по течению речушки имелось всё же местечко, где местные из соседнего городишки человеческие детёныши ловили-таки рыбу, воровали, что называется... но в силу мелкого роста самих воришек – их никто не вылавливал и собаками не тра-

вили.

А самому Стивену охотиться на своём участке никто не запрещал, лишь бы имелся лиценс. И лиценс у него был.

После леса

Звонок телефона разбудил Лю Лю. Она вынужденно открыла глаза, осмотрелась и прислушалась, телефон дребезжал в дальней комнате или кабинете Стивена. Однако совсем не в привычках Лю Лю бежать к телефону, который звонил не ей. А позвонить ей было явно некому. Голубка не только никому не сообщала номер телефона Стивена, но и о его существовании в принципе. Это была её тайна.

– Пусть сам отвечает на звонок, – решила Лю Лю и стала вспомнилось то, что случилось накануне, и чем они со Стивеном занимались. Невольно припомнилось недавнее удивление, и рука самопроизвольно быстрым движением отбросила одеяло. Никаких бинтов не было.

– Инте-Рес-сСсно... – произнесла она вслух...

Скинула ноги на пол, нашарила мыском тапок, надела, нащупала второй и, надевая, встала с постели. Но постояв с минуту в нерешительности, снова села. Снова забралась с ногами и устроилась поудобнее, облокотившись на спинку кровати.

Они со Стивеном спали как придётся, иногда она засыпала в его постели, но проснувшись ночью – уходила в выделенную ей собственную спальню. Иногда он увлекал Лю Лю

на её территорию, где и занимались любовью, а потом уходил к себе. Сам Принц в её постели обычно не оставался. Она не возражала, потому что тоже привыкла спать в собственной кровати, и сама всю жизнь делала то же самое – спать предпочитала вернуться домой. Лю Лю вообще разделяла теорию о том, что ночь существует для сна. И хотя исключения допустимы, а иногда вполне приветствуются (это зависит от индивидуального на каждый день расклада), но в целом – всё же разумно придерживаться здоровой самостоятельности в личной постели.

Собственно, как вы вероятно заметили, мне с какого-то момента стало удобнее вести рассказ от лица всезнающего автора, как если бы пусть кто-то посторонний расскажет про мою Лю Лю, или про Стивена... Как-то это всё же не совсем женственно рассказывать про любовника за его спиной, тем более беспристрастно...

По крайней мере, если он однажды прочтёт, то, надеюсь, не обидится... Хотя опять же – такое зрелище, как обиженный Стивен – хотела бы я увидеть хоть одним глазком! Но это точно не про него.

Скорее уж мне самой так удобнее... от лица автора, для себя.

Потому что сама-то я – душечка Лю Лю – обижаться пока не научилась. И отлично себе дуюсь, хотя и не слишком часто. И стесняюсь, испытываю внутренние барьеры, которые

– не хочется переступить, опираясь на силу воли...

Приходится прощать себя... за ради великодушия по отношению ко всем нам: живым существам, заблудшим и страдающим своими маленькими личными несовершенствами.

Подумайте сами, зачем же при таком положении, изворачиваться, наступая на горло собственной песне, если можно просто объясниться? – Ведь именно для этого все умеют формулировать свои мысли и чувства?

Так я и поступаю, описывая, почему изъясняюсь то от первого лица (всё-таки это рассказ обо мне), но одновременно – *от всевидящего и всезнающего ока автора*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.